

УДК 332.1 (338.2)

<https://doi.org/10.25587/2587-8778-2026-3-5-19>

Оригинальная научная статья

Северо-Арктические территории Дальнего Востока: пространственно-хозяйственные преобразования и источники эмерджентного эффекта в стратегическом развитии на современном этапе

Б. Х. Краснопольский

Институт экономических исследований ДВО РАН

г. Хабаровск, Российская Федерация

✉ boriskrasno@gmail.com

Аннотация

Исследуемая проблема, характеризующаяся в статье, связана с протекающими естественным образом процессами существенных преобразований в развитии пространственно-хозяйственного анклава, формирующегося на территориях дальневосточного форпоста Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) и Крайнего Севера, которые имеют исторически тесное инфраструктурно-интеграционное единство. К ним относятся арктические и срединные улусы Республики Саха (Якутия), а также районы Чукотского автономного округа и Магаданской области. Цель исследования – выявить дополнительные доказательства необходимости формирования в данной зоне так называемого Северо-Восточного мезорегиона, являющегося высокоширотной составляющей Дальневосточного федерального округа (макрорегиона). Особо подчеркивается и учитывается геостратегическая роль данных территорий как трансграничных в мировом арктическом бассейне на стыке нашей страны в его Тихоокеанском секторе в ближнем зарубежье со штатом Аляска, США и в дальнем зарубежье с северо-арктическими территориями в западной части Канады. Методологический и методический инструментарий исследования базируется на теориях пространственной экономики, инфраструктуры, мезоэкономики, кластерного анализа, приемах исследования инверсионных процессов и интеграционной синхронизации формальных и неформальных институтов. В результате выполненного автором ранее цикла исследований, а также завершающего этот цикл данного исследования выявлены основные источники получения дополнительных эмерджентных эффектов формирующегося здесь глубоко интегрированного пространственно-хозяйственного образования по всему кругу его социально-экономических параметров. В дальнейшем требуется активизация исследований в данной области, а также сосредоточение внимания специалистов на вопросах корректировки институциональных механизмов государственно-планового регулирования развития изучаемых хозяйственных образований, которое на данном стратегическом этапе выступает в качестве приоритетного перед рыночными методами.

Ключевые слова: АЗРФ, Крайний Север, дальневосточный форпост, Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика, инфраструктура, инверсионные процессы, «мезокластерный» подход, институциональные преобразования, Северо-Восточный мезорегион

Финансирование. Исследования проводились в рамках исполнения научно-исследовательских программ последних лет, которые реализовывались в Институте экономических исследований ДВО РАН.

Для цитирования: Краснопольский Б. Х. Северо-Арктические территории Дальнего Востока: пространственно-хозяйственные преобразования и эмерджентный эффект в стратегическом развитии на современном этапе. *Экономика и природопользование на Севере*. 2026, № 3 (43). С. 5-19. DOI: 10.25587/2587-8778-2026-3-5-19

Original article

The Northern-Arctic territories of the Far East: current spatial and economic transformations and the emergent effect in strategic development

Boris Kh. Krasnopolsky

Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Khabarovsk, Russian Federation

✉ boriskrasno@gmail.com

Abstract

The problem explored in this article relates to the naturally occurring processes of significant transformations in the development of a spatial and economic enclave emerging in the territories of the Far Eastern outpost of the Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF) and the Far North, which historically share a close infrastructural and integrated unity. These territories include the Arctic and central regions of the Sakha Republic (Yakutia) and districts of Chukotka Autonomous Okrug and Magadan Oblast. The purpose of this study was to identify additional evidence of the formation of the so-called Northeastern mesoregion in this zone, which is the high-latitude component of the Far Eastern Federal District (macroregion). The geostrategic role of these territories as transboundary areas in the global Arctic basin is particularly emphasized and considered, as they border our country in the near abroad in its Pacific sector with the state of Alaska, USA, and in the far abroad with the northern Arctic territories in western Canada. The research's methodological and methodological tools were based on theories of spatial economics, infrastructure, cluster analysis, mesocluster approach, methods for studying inversion processes, and the integration synchronization of formal and informal institutions. As a result of the author's previous cycle of research, as well as the final study of this cycle, characterized in this article, the main sources for obtaining additional emergent effects of the deeply integrated spatial-economic formations being formed here are identified across the entire range of its socio-economic parameters. In the future, it is necessary to intensify research in this area, as well as to focus the attention of specialists on the issues of adjusting the institutional mechanisms of state-planned regulation of the development of the studied economic entities, which at this strategic stage acts as a priority over market methods.

Keywords: Arctic Zone of the Russian Federation, North Arctic territories, Far Eastern outpost, Far Eastern and Pacific Arctic, infrastructure, inversion processes, mesocluster approach, institutional transformations, Northeastern mesoregion

Funding. The research was conducted as part of the implementation of research programs in recent years, which were implemented at the Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Krasnopolski B.H. North Arctic territories of the Far East: current spatial and economic transformations and emergent effect in strategic development. *Economy and Nature Management in the North*. 2026, No. 3 (43). Pp. 5-19. DOI: 10.25587/2587-8778-2026-3-5-19

Введение

Тема исследований, представленных в данной статье, связана с изучением интеграционных процессов в пространственно-хозяйственных трансформациях в северо-арктической зоне Дальнего Востока, которые практически с советского периода и до настоящего времени протекают здесь в основном естественным путем, без каких-либо существенных воздействий как федеральных, так и региональных институциональных структур.

Что касается анализа научной литературы по данной проблеме, то в первую очередь следует упомянуть работы советского периода. Как хорошо известно, самой идее о формировании в северо-восточной зоне нашей страны некоего достаточно тесно интегрированного по основным структурообразующим параметрам крупного пространственно-хозяй-

ственного образования уже несколько десятилетий¹. В этом отношении в качестве примера можно привести фундаментальную работу С.В. Славина «Северо-Восток СССР как новый формирующийся экономический район» [1], а также ряд работ, выполненных научными подразделениями Республики Саха (Якутия) [2, 3].

Важное значение имеют работы, изданные после рыночных реформ 1990-х годов, которые имели весьма неординарные и подчас катастрофические последствия в исследуемой зоне. Оставляя в стороне возникшие в связи с этими реформами негативные результаты в области демографии, миграции населения, кризиса городов, коренных народов и их традиционного хозяйства, которые не входят непосредственно в объект и предмет исследования в данной статье, обращает на себя внимание работа по обсуждению вопросов комплексного пространственного развития Северо-Востока России в 90-х годах прошлого века, рыночные реформы в период которых привели к резкой деиндустриализации этой периферийной зоны страны. Эти процессы достаточно полно отражены в работе А.С. Ващук и С.Г. Коваленко «Северо-Восток России в 1990-е гг.: деиндустриализация на периферии страны» [4]. В ней, исходя из анализа многих научных источников, деиндустриализация Северо-Востока России в эти годы характеризуется как результат внешнего влияния и политических решений центра, приведших к разрушению горнодобывающих отраслей региона. Авторы отмечают, что непродуманная рыночная приватизация и отказ от государственной поддержки сформировали в регионе «травмированную общественную систему» с «руинизацией» инфраструктуры и массовым оттоком населения [4, с. 27].

Процессы пространственных преобразований в горнодобывающей промышленности в исследуемой зоне в начале 2000-х гг. достаточно подробно характеризованы в статье В.В. Никифорова и Г.С. Коврова «О формировании Северо-Восточного межрегионального золотодобывающего кластера» [5]. На основе оценки потенциала формирования горнодобывающей промышленности всех дальневосточных северо-арктических территорий авторы обосновывают вывод о необходимости и эффективности формирования подобного кластера как новой формы пространственно-хозяйственной организации.

Проблемы выяснения причин массового оттока населения из достаточно успешных ранее дальневосточных регионов в период 1990–2020 гг., главными из которых являются «рыночные эксперименты», обсуждаются в работе Н.В. Гальцевой и др. [6].

В данной статье характеризованные выше проблемы поднимаются вновь в продолжение ранее выполненных исследований в связи с по-прежнему естественным образом протекающими интеграционными процессами в этой зоне, которые до настоящего времени не реализуются в рамках каких-либо скоординированных институциональных управляющих воздействий уполномоченных для этих целей органов. Эти процессы до настоящего времени протекают в основном недостаточно согласованным путем с приоритетом частного-индивидуальных интересов предпринимательских, отраслевых или территориальных хозяйствующих структур различного пространственного уровня.

¹ Эта идея связана, если вспомнить историю нашей страны 1950-60-х гг., с созданием во времена СССР на этих территориях так называемого Северо-Восточного совнархоза в составе Якутии и Магаданской области (включая Чукотку, которая тогда административно входила в состав области). Это была своеобразная структура, в основном направленная на реализацию политико-административных реформ, происходящих тогда в стране, с переходом от в основном отраслевого управления экономикой страны к территориальному принципу. Совнархоз внес огромный вклад в комплексное развитие этого региона, в создание базы освоения природных ресурсов, системы расселения, магистральной инфраструктуры, например, Колымской автотрассы Магадан–Якутск с ее ответвлениями, речных транспортных коммуникаций, морских портов, системы энергообеспечения и др.

В отличие от ранее выполненных работ, данное исследование было направлено на изучение обострившихся в последнее время проблем системной интеграции изучаемых территорий, усиления их инфраструктурной взаимосвязи и на выявление дополнительных источников эмерджентных эффектов при реализации государственно-регионального институционального регулирования их развития как единого Северо-Восточного мезорегиона². В результате было доказано, что в качестве основных источников на данном стратегическом этапе его формирования выступают экзогенная инфраструктура интегрируемых территорий, а также процессы нивелирования различного рода инверсионных противоречий, создание мезокластера в отраслях горнодобывающей специализации и синхронизация действующих и вновь создаваемых формальных и неформальных институтов.

Также в проведенном исследовании учитывалось то, что изучаемые территории выступают в качестве некоего дальневосточного форпоста Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) и Крайнего Севера страны на их трансграничных рубежах на перекрестках Евразийского и Северо-Американского континентов и морских пространств Северного Ледовитого и Тихого океанов в Тихоокеанском секторе мирового арктического бассейна.

В этом плане можно констатировать, что сотрудничество между Россией и непосредственно граничившими с ней в Берингийской зоне территориями США (штат Аляска) в настоящее время может существенно усложниться, учитывая экспансию ее нынешней администрации в освоении Арктики, попытки присвоения некоторых ее национальных территорий, прочие поползновения на господство в мировом арктическом бассейне, порой весьма непредсказуемые действия нынешнего американского руководства и т.д. США стремятся предотвратить укрепление позиций России в Арктике и видят в нашей стране угрозу национальной безопасности НАТО. В общем здесь, в трансграничной зоне Берингова пролива, этого узкого «горлышка» на трассе Севморпути (СМП), мы можем не получить тоннель под проливом между Чукоткой и Аляской, а оказаться в ситуации, схожей с проблемами в Ормузском проливе.

И вообще сопоставительные данные по развитию Северо-Восточного форпоста России и соседнего штата Аляска, США, оставляя в стороне вопросы военного противостояния, показывают существенное отставание в социально-экономическом развитии наших территорий. Так, например, по данным за 2024 г. видно, что при более высоких показателях общей площади всех трех территорий Северо-Востока страны (в 2,5 раза) и численности населения (в 1,6 раза) по сравнению с такими же показателями штата Аляска, валовый региональный продукт (ВРП) в 1,5 раза, ВРП на душу населения в 2,0 раза и среднедушевой доход по всей северо-восточной зоне в 3,6 раза ниже тех же показателей штата [20].

Материалы и методы

Повторим еще раз, что в качестве объекта исследования в данной статье выступают непосредственно арктические территории – тринадцать арктических улусов Республики Саха (Якутия) и районы Чукотского автономного округа, а также тесно интегрированные с ними в основном критическими элементами инфраструктуры «подпитывавшие» их в социально-экономическом плане различного рода ресурсами высокоширотные территории Крайнего Севера – срединные территории Якутии и районы Магаданской области.

² Термин мезорегион идет от топологических соотношений таких понятий как макро-, мезо- и микро-. В нашем случае наиболее масштабной пространственно-хозяйственной структурой на Дальнем Востоке является Дальневосточный федеральный округ (макрорегион). Именно относительно этого региона и идет речь о формировании Северо-Восточного мезорегиона как его высокоширотной части, который занимает срединное положение между микро- и макроструктурами. Напомним, что к высокоширотной части в северной широте относятся территории, расположенные за 60-й параллелью вплоть до Северного полюса.

Т.е. южная граница исследуемого высокоширотного пространственно-хозяйственного образования проходит примерно по 60-й параллели северной широты.

Отличие современного этапа формирования данного анклава названных территорий состоит в том, что они подходят к этапу *усиления системности* в создании условий для поддержания не только роста их социально-экономической эффективности, но и устойчивости в противостоянии как внутренним кризисам, так и внешним угрозам. На этом этапе характеризованные выше процессы должны быть взяты под контроль и реализовываться посредством соответствующих форм и механизмов их государственно-общественного управления, а не отпускаться на волю рыночной стихии. Именно они выступают основным предметом исследования в данной статье.

В теоретико-методическом плане рассматриваемая проблема имеет некоторую связь с различными концепциями районирования зоны Арктики и Севера страны и ее дальневосточного форпоста, которые строятся в основном на учете их географических, природно-экологических и социально-хозяйственных параметров и факторов. Но автор в решении данной проблемы придерживается мезорегионального и мезоэкономического подхода и инструментария в исследовании динамики и особенностей пространственно-хозяйственных преобразованиях этого северо-арктического сектора страны, что отличает его исследование от традиционно принятого в экономической географии и региональной экономике. Здесь ведущую роль играет системный фактор, системообразующая роль экзогенных элементов критической инфраструктуры первичных региональных хозяйственных комплексов, образующих новый интегрированный конгломерат.

В этом плане в качестве приоритетного методологического подхода в данном исследовании выступало сравнительно недавно возникшее направление в экономическом анализе – мезоэкономика [7, 8 и др.]. При данном подходе реализуется проявляющаяся в последние годы тенденция, когда в пространственной экономике не только при районировании, но и в целом все в большей степени начинают учитываться не только чисто природно-географические и социально-экономические факторы, но и *системообразующие параметры*. Они выходят на передний план в исследовательских проработках по причине их резко возросшего значения в обеспечении роста эмерджентной, мультипликативной эффективности систем, что выводит проблемы пространственного развития на междисциплинарный научный уровень в тесной связи с такими направлениями естественных наук, как системный анализ, синергетика и др.

По поводу научно-теоретической базы такого направления экономических исследований, как мезоэкономика ограничимся ссылкой на одну из статей [9], в которой весьма подробно и на высоком доказательном уровне анализируются основные научные идеи и работы многих как зарубежных, так и отечественных специалистов. В своей статье автор выделяет следующие особенности мезоэкономического подхода, который базируется в основном на выявлении закономерностей формирования различных моделей устройства сложившихся *экономических систем* в зависимости от их иерархического уровня в конкретной пространственной среде: 1) экономика понимается не как жестко стабильный классический «мейнстрим», а как постоянно изменяющийся набор технологий и институтов; 2) иерархическая структура экономики должна обеспечивать динамическую самоорганизацию системы; 3) внимание акцентируется в основном на регулировании экзогенной неравновесности экономической системы как важнейшем факторе ее стратегического развития и самоорганизации; 4) анализ опирается не на «игровые» допущения, а на реально действующие структуры и процессы [9, с. 266].

Тенденция приоритетности процессов пространственного системообразования проявляется не только в научных подходах, но и в практике пространственно-хозяйственного развития. Например, что касается исследуемых территорий, сложившаяся практическая ситуация в развитии их системно-интеграционных связей стала настолько обостренной, что на нее еще в 2023 г. обратил внимание Президент России В.В. Путин [10]. Президентом было дано поручение немедленно подготовить планы развития Магаданской, Якутской и Анадырской агломераций до 2030 г., обеспечивая при этом их максимально тесные социально-экономические связи. Причем данное поручение не ограничивалось только решением острых вопросов развития самих городских агломераций, в него в обязательном порядке должны были войти такие мероприятия, как строительство моста через реку Лену, обновление трассы «Колыма» и приведение в нормативное состояние ее дорожного покрытия, ускорение строительства моста через реку Алдан в Якутии и др. Президентом было специально подчеркнуто, что данные объекты инфраструктуры усилят системные транспортно-логистические возможности рассматриваемых территорий. Как видно, речь в данном случае шла о формировании на северо-арктических территориях Дальнего Востока гораздо более интегрированного инфраструктурными элементами хозяйственного комплекса, включающего несколько субъектов федерации [10].

Именно рассматриваемые здесь территории в совокупности можно назвать Северо-Восточным мезорегионом, являющимся высокоширотной частью Дальневосточного макрорегиона.

Что касается южной части Якутии за пределами 60-й параллели, то она, видимо, и формально-географически, и в хозяйственном плане не должна включаться непосредственно в ее северо-арктическую зону. Она имеет гораздо более развитые пространственно-хозяйственные связи с южными районами Дальнего Востока, а для северо-арктической зоны ее районы выступают в основном в качестве внешних, экзогенных связей и не участвуют непосредственно в системе внутренних хозяйственных взаимоотношений этой зоны. Якутский исследователь М.Ю. Присяжный в своей статье [11] называет южный район республики вообще «государством в государстве», подчеркивая, что этот район включает ряд транспортно-промышленных ареалов, длительная устойчивость которых объясняется его особым географическим положением и наличием железной дороги. Этот район характеризуется им как обособленный в развитии с преобладанием в экзогенных связях внешнего «вектора», что превалирует над эндогенным взаимодействием с высокоширотными административно-территориальными образованиями Якутии [11, с. 159].

Относительно районирования территорий Дальнего Востока при разработки стратегических программ его развития автор считает необходимым вернуться к нереализованному до настоящего времени предложению, которое было сделано в докладе министра по развитию Дальнего Востока и Арктики А. Чекункова еще в 2022 г. Он предлагал на заседании Совета по вопросам развития Дальнего Востока, Арктики и Антарктики при Совете Федерации разделить этот макрорегион на четыре подрайона, учитывая существенный их «разброс» по природно-климатическим условиям, по специфике хозяйственного развития и другим параметрам. Эти подрайоны рассматриваются министерством как более адекватно отображающие с практических позиций динамику формирования пространственно-хозяйственных образований и преобразований Дальнего Востока. В числе этих структур он выделил и северо-арктический подрайон, а именно – территории вечной мерзлоты: Якутия, Магаданская область, Чукотка, которые занимают почти 60% площади и включают 15% населения всего Дальнего Востока [12].

Подчеркнем еще раз, что, говоря о Северо-Восточном мезорегионе, мы выходим за пределы традиционного понимания интегрирования низовых, первичных хозяйствующих подразделений, формирующихся на микроуровне. Мезорегиональный методический подход связан с новым пониманием структуры вновь формируемой системы, в которой интеграционное объединение затрагивает субъекты федерации Северо-Востока страны, что открывает при рациональной реализации протекающих интеграционных процессов новые источники получения достаточно крупных эмерджентных эффектов. Как выше уже было отмечено, эти источники возникают под воздействием, как показывают исследования, весьма существенной и ведущей роли в их пространственно-временном развитии в настоящий период обострения различного рода кризисов и шоков таких проявляющихся специфических явлений, как: 1) усиление влияния экзогенных инфраструктур объединяемых территорий на рост эффективности создающейся системы в целом; 2) нарастание противовекторных инверсионных процессов в действии различных экономических сил при формировании агломерационных связей в новой системе; 3) возрастающий рост влияния «мезокластерной» интеграции отраслей добычной специализации на эффективность формируемой системы; 4) необходимость нивелирования возникающих рассогласований в функционировании формальных и неформальных институтов управления образуемой системы.

Именно эти явления на данной временном этапе при их рациональном регулировании могут выступить в качестве источников основных факторов – «драйверов» получения целого комплекса дополнительных эмерджентных эффектов при формировании в северо-арктической зоне Дальнего Востока глубоко интегрированного межрегионального пространственно-хозяйственного анклава.

Каждый из перечисленных выше источников и факторов имеет свои специфические теоретико-методические приемы исследования и оценки влияния на процессы формирования данного пространственно-хозяйственного комплекса.

Результаты и обсуждение

Инфраструктура. Ранее проведенные исследования автора в области влияния инфраструктуры на процессы стратегического развития исследуемых территорий [13] позволили получить следующие результаты:

- за счет усиления роли экзогенных элементов критических видов инфраструктуры территорий, входящих в формируемое новое пространственно-хозяйственной образование – Северо-Восточный мезорегион, этот межрегиональный анклав начинает выступать в качестве интеграционной структуры, позволяющей перейти от «точечных» промышленно-сырьевых узлов к формированию крупного специализированного кластера (мезокластера) по масштабной добыче больших запасов полезных ископаемых во всей высокоширотной зоне Дальнего Востока;

- развитие этих территорий направлено на данном этапе на создание стимулирующих импульсов и формирование более системно-организованной пространственной среды для усиления их комплексной хозяйственной самостоятельности, устойчивости и «выживания» в новых условиях кардинальных изменений на национальном уровне и в приграничном секторе Тихоокеанской Арктики;

- происходит смена акцентов во влиянии эндогенных и экзогенных инфраструктурных факторов и условий на перспективное развитие территорий, входящих в состав мезорегиона. Экзогенные факторы выходят на передний план по причинам их более стимулирующего внешнего влияния на дальнейшее развитие данных территорий, на их «открытость» и учет

взаимосвязанных и взаимовлияющих нелинейных процессов по сравнению с влиянием внутренних, эндогенных факторов, ориентированных в основном на поддержание стационарного, равновесного состояния системы за счет использования ограниченных объемов собственных ресурсов, что вызывает подчас сдерживающие, автаркические тенденции;

– трансформационные процессы в развитии этих территорий, связанные в первую очередь с экзогенным уровнем, должны дать возможность за счет интеграционных и системно-организующих изменений в их развитии существенно повысить их комплексный мультипликативный, эмерджентный социально-экономический и геостратегический эффект;

– формируемое пространственно-хозяйственное образование обеспечит существенное взаимное увеличение его конкурентных преимуществ как на внутренних, так и на международных рынках, а также рост добавленной стоимости в производственной сфере [13].

Принимая во внимание результаты ранее проведенных исследований и данной исследовательской проработки, которые были характеризованы выше и касались смены акцентов в формировании экзогенной и эндогенной инфраструктур при создании Северо-Восточного пространственно-хозяйственного анклава, в целом можно констатировать, что в протекающих процессах его развития возникла новая ситуация. Она отличается тем, что ведущая роль на новом этапе его стратегического развития перемещается с преимущественно рыночно-отраслевого на территориальное пространственно-хозяйственное планирование и управление. Этот процесс можно рассматривать как второй исторический этап³ приоритетности территориальных методов планирования и управления данными территориями.

Инверсии и инверсионные процессы. Как вытекает из анализа исследований в данной области [14, 15], понятие инверсии заключается в качественном изменении явления, процесса, системы в целом на основе инверсионных принципов, получение результатов социально-экономического развития, диаметрально противоположных изначальным целям реализуемого проекта. Принципы инверсий – в стохастической, нерегулируемой смене вектора направленности процессов развития, что в целом вызывает в этой связи движение системы на противоположный вектор. Объекты инверсий – это в основном иерархические системы различного уровня и ранга, подвергаемые эндогенным и экзогенным качественным преобразованиям. Причины – экстремальные условия развития, враждебность среды обитания, препятствующая адаптивности объекта к новым условиям существования, инфраструктурные диспропорции и др.

Приложение инверсионных методических подходов к исследуемым северо-арктическим территориям Дальнего Востока с их узкой специализацией на добыче полезных ископаемых показывает, что серьезнейшей причиной возникших здесь в последние десятилетия стагнаций в социально-экономическом развитии, начиная с существенного оттока населения, стали инверсионные, противодействующие процессы между методами рыночной экономики и общественного самоуправления. Рынок требует широкого использования вахтовых способов в освоении природных ресурсов (что, безусловно, дает определенную экономию в бизнес-сфере), государственное планирование и управление для обеспечения устойчивого хозяйственного и геостратегического развития данных территорий требует программно-целевых действий в интересах всей страны. Вахтовые способы вызывают массовый отток пришлового населения из этих территорий, что в демографическом плане составляет уже критическую величину и в ближайшие годы вообще может вызвать их

³ О первом этапе было сказано выше при характеристике роли Северо-Восточного совнархоза.

обезлюдение. Инверсионные процессы здесь выражаются в том, что погоня за рыночной прибылью добывающих предприятий приводит к острейшим противоречиям и вызывает противовекторные обратные *эффекты* в части будущего более-менее гармоничного социально-экономического развития этой огромной приграничной зоны страны [16].

Кроме того, на это все в большей степени накладываются в плане международного трансграничного сотрудничества территорий Северо-Восточного мезорегиона и с ближним (штат Аляска, США), и с дальним (западные северо-арктических территории Канады) зарубежьем обостряющиеся противодействующие инверсионные противоречия между русофобской политикой США и Канады относительно России и необходимостью, диктуемой законами развития природы и общества, поддержания сбалансированных хозяйственных взаимоотношений между этими приграничными странами. Подобная политика зарубежных стран начинает все в большей степени вызывать обратную реакцию инверсионного характера в приграничных природно-социальных структурах нашей страны и отторгать искусственно навязываемое международное противодействие Америки и Канады сотрудничеству с Россией [16].

Мезокластер. Необходимость усиления приоритета территориальных методов планирования и управления в стратегическом развитии дальневосточных северо-арктических районов требует более четко определиться со структурой их отраслей специализации, вспомогательных и обслуживающих видов деятельности и поддерживающих их развитие инфраструктурных элементов как в производственной, так и социальной сферах.

Принимая во внимание обострившиеся здесь проблемы инфраструктурного, инверсионного и институционального характера как на национальной, так и международной арене, необходимо в первую очередь обеспечить более тесные интеграционные взаимосвязи базовых отраслей специализации данных территорий, связанных с добычей и первичной переработкой минерально-сырьевых ресурсов. В данном случае представляется целесообразным создание на этой основе крупного инфраструктурно-инновационного мезорегионального кластера (мезокластера) по добыче полезных ископаемых в стране, включающего отрасли специализации всех рассматриваемых территорий [17].

Кстати, этот вывод подтверждает результаты ранее проведенного другими авторами в данной области исследования, о котором упоминалось выше и которое касалось необходимости формирования в данной зоне золотодобывающего межрегионального кластера [5].

Анализ статистических данных показывает, что, например, в 2024 г. добыча полезных ископаемых в Республике Саха (Якутия) составляла более 60% валового регионального продукта (ВРП), Магаданской области – около 56% и Чукотского автономного округа – более 37%. Сравнительные данные по объемам добычи минерально-сырьевых ресурсов и обрабатывающих производств в Северо-Восточном мезорегионе за 2022 и 2024 гг. показывают следующее (табл.).

Таблица

Показатели объемов добычи полезных ископаемых и развития обрабатывающих производств в Северо-Восточном мезорегионе за 2022 и 2024 гг. (в действующих ценах)

Table

Indicators of mineral extraction volumes and development of manufacturing industries in the North-Eastern mesoregion for 2022 and 2024 (in current prices)

	Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства	
	2022 г. млн рублей/%	2024 г. млн рублей/%	2022 г. млн рублей/%	2024 г. млн рублей/%
Дальневосточный федеральный округ	3308660/100,0	4220662/100,0	1431849/100,0	2294732/100,0
Республика Саха (Якутия)	1620152/49,0	2034771/48,0	34904/2,4	47143/2,0
Магаданская область	36246/1,1	48427/1,1	190845/13,3	384923/16,8
Чукотский авт. округ	24906/0,8	11251/0,0	66879/4,7	152279/6,6
Итого: Северо-Восточный мезорегион (СВМ)	1681304/50,9	2094449/49,1	292628/20,4	584624/25,4

Источник: [20]

Из данных таблицы видна определяющая и ведущая роль Республики Саха (Якутия) в добыче полезных ископаемых во всем Дальневосточном округе, составляющая 48-49%. По сравнению с Якутией добыча ископаемого сырья в Чукотском автономном округе и Магаданской области составляет совместно небольшую долю. Это означает, что формирование добычного мезокластера в северо-арктической части Дальнего Востока, скорее всего, будет связано с расширением влияния управляющих структур минерально-сырьевого сектора РС (Я) на добывающие сектора Чукотки и Магаданской области.

Также обращает на себя внимание существенное сокращение объемов добычи полезных ископаемых на Чукотке почти в 2 раза всего за два года (с 24 906 до 11 251 млн руб.). Было небольшое сокращение доли Республики Саха (Якутия) в общих объемах сырьевой добычи по Дальнему Востоку с 49 до 48%, а также снижение показателей объемов обрабатывающих производств Республики с 2,4 до 2,0% за счет возросшей доли в этом показателе Магаданской области с 13,3 до 16,8% и Чукотки с 4,7 до 6,6%.

Данные таблицы показывают, что в целом в высокоширотной зоне Дальнего Востока в области добычной сферы и тесно связанных с ней обрабатывающих производств нужна глубокая ревизия протекающих хозяйственных процессов и их реорганизация в целях роста системного эмерджентного эффекта за счет более тесного инфраструктурно-интеграционного взаимодействия территорий этой зоны [17].

В данном случае автор предлагает использование кластерного подхода с его инструментарием [18, 19], но в данном случае речь должна идти о новой форме мезорегионального кластера (мезокластера), отличающейся от традиционных форм на микроуровне более высоким положением в пространственной структуре, которая будет объединять те отраслевые «микроркластеры», которые формируются на объединяемых территориях.

Подобный подход даст возможность: 1) сократить до минимума высокочрезвычайно конкурентную между этими территориями по получению финансовых средств из различных источников для освоения подчас аналогичных добываемых ресурсов; 2) рационально распределить их добычную специализацию по каждой из территорий в целях получения определенных региональных эффектов, достаточных для поддержания социально-экономического развития каждого региона; 3) рационализировать затраты на геологоразведку по по-

иску новых видов полезных ископаемых; 4) создавать и использовать единые механизмы технико-технологического обеспечения добычи, сформировать единую базу подготовки и использования трудовых ресурсов, включая вахтовиков, с ориентацией на свой регион; 5) развивать обрабатывающие производства с получением добавленной стоимости в самом регионе; 6) получить комплексный эффект для страны в целом за счет роста социально-геостратегической устойчивости всего мезорегиона на восточно-арктических рубежах нашего государства; 7) сосредоточить внимание на инверсионных процессах кооперации данных территорий и противодействующей ей межрегиональной конкуренции при развитии их отраслей специализации по всем составляющим их инновационного и инфраструктурного обеспечения и др. [17].

Институты. Приведенные выше доказательства необходимости существенных преобразований в пространственно-хозяйственном развитии исследуемых территорий могут быть реализованы только при проведении корректирующей реорганизации действующих здесь институциональных механизмов.

Представляется, что ведущим направлением в этой области из всего арсенала механизмов трансформации управленческого аппарата здесь будет являться совершенствование взаимодействия между формальными и неформальными институтами власти, представляющими как государственные органы, так и местные структуры общинного, коммерческого и административного управления [20].

В данном случае определенный интерес представляет, по мнению автора, недавно вышедшая статья в международном научном издании «Журнал институциональной экономики» под названием: «Введение в симпозиум: «Кризис и устойчивость: динамика институциональных изменений на стыке формальных и неформальных институтов» [21]. Статья содержит анализ ведущих научных работ, представленных на научном симпозиуме, который сравнительно недавно состоялся в Лондоне.

Обобщая ведущие статьи, представленные на этом симпозиуме, можно в числе четырех различных типов взаимодействия формальных и неформальных институтов выделить применительно к исследуемым территориям их 4-й тип, когда действуют две альтернативные логики, связанные с конкуренцией и кооперацией и выполняющие эквивалентные функции по согласованию развития данных территорий. Именно подобные процессы согласования институтов данного типа определяют тот теоретико-методический подход, который должен быть использован при анализе и оценке институциональных трансформаций в управлении исследуемыми в данной статье территориями. Экономическая основа взаимодействия и согласования институциональных органов данной хозяйственной системы зиждется на установлении определенного консенсуса между: 1) конкурентными отношениями хозяйствующих партнеров в рамках создающегося «мезокластера», действующих в основном на базе рыночных методов их управления, что отражает бизнес-интересы партнеров, и 2) кооперативными отношениями территорий, входящих в Северо-Восточную хозяйственную зону, действующими в рамках планово-программных методов управления, что отражает политико-экономические интересы государства.

Как видно, в данном случае создаются возможности формирования комплементарной (взаимодополняющей) системы управления плановыми (в интересах государства) и рыночными (в бизнес-интересах хозяйствующих субъектов) методами.

Заключение

Результаты всего цикла исследовательских проработок автора по рассматриваемым проблемам, включая данное исследование, приводят практически к идентичным выводам

о нарастании глубоких многоаспектных кризисов в социально-экономическом и геостратегическом развитии исследуемых территорий. Природа данных кризисов различна, но что касается данных территорий, то базовой проблемой на данном этапе их развития является нарастающая кризисная ситуация в их отраслях добычной специализации. Эти отрасли по своему значению не только выступают в качестве базовых в системах воспроизводственных связей изучаемых территорий, но также, что очень важно в данном случае, являются структурно и системообразующими в формировании их пространственной конфигурации. Инверсионные противоречия, возникающие в развитии этих отраслей, особенно в области конкурентных и кооперативных взаимоотношений приводят к значительным потерям их суммарной эффективности, вызывают непроизводительные затраты, что распространяется на все другие вспомогательные и обслуживающие сферы хозяйственных деятельности в данной зоне.

На основе формирования в дальневосточной форпосте АЗРФ и Крайнего Севера межрегионального ресурсно-инфраструктурного «мезокластера» добычной специализации создается возможность обеспечить достаточно тесное согласование экзогенных и эндогенных элементов его инфраструктурного обеспечения и функций формальных и неформальных институтов управления, включая всю систему их методов, приемов и конкретных механизмов, нормативных актов и др. Данные интеграционные преобразования в добычной сфере позволяют значительно усилить приоритет действия формальных институтов государственно-регионального управления в кооперации с неформальным частно-предпринимательским партнерством и общественными структурами. В результате это дает возможность значительно повысить эффективность совместного регулирования комплексного развития всего вновь создающегося здесь пространственно-хозяйственного анклава – Северо-Восточного мезорегиона, что даст в итоге высокий совокупный эмерджентный эффект в интересах всех участвующих партнеров, но с приоритетной реализацией целей государства.

Решение данной задачи соответствует и активно протекающим здесь в настоящее время процессам смены акцентов в планировании и управлении с чисто отраслевых на территориальные принципы как второй волны институциональных преобразований в данной зоне страны, что вызвано возникновением различного рода глубоких кризисов в ее развитии и необходимостью реализации мобилизационного подхода в перспективном формировании ее пространственно-хозяйственной структуры. Данные проблемы невозможно решить в рамках превалирования рыночно-отраслевых методов ведения хозяйства.

В случае этих территорий необходимо принимать во внимание их большое значение в части укрепления сырьевого потенциала страны на международном уровне, а также их геостратегическое положение, т.к. они граничат с такой крупнейшей страной в мировой Арктике, как США. В области международных связей стран арктического бассейна недавно за рубежом вышла из печати объемная монография, включающая и проблемы сотрудничества с Россией как одной из стран Арктического совета, в которой роль нашей страны, к сожалению, искажается [22]. В ней отмечается, что сегодняшняя политика России в АЗРФ во многом возвращается к советскому периоду с повышенным вниманием к северо-арктическому региону как к кладезю природных ресурсов, которые должны использоваться для поддержки экономического роста страны и внешнеполитического укрепления ее репутации «великой державы». Как резюмируется в данной монографии, в целом Россия, безусловно, уделяет все больше внимания своей Арктике, но ее взгляд на этот регион, похоже, снова возвращается к добывающей, колониальной позиции [22, с. 216].

В дальнейшем необходимо продолжение исследований в данной области по проблемам последовательной реализации институциональных преобразований в дальневосточном секторе АЗРФ и Крайнего Севера. Они будут связаны, скорее всего, с созданием единого *постояннодействующего* межтерриториального институционального органа, в качестве которого будет выступать специальная государственно-региональная *плановая комиссия* по Северо-Восточному мезорегиону. Это орган будет в какой-то мере затрагивать нынешние управленческие функции государственных организаций федерального уровня, региональных административных органов Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа и Магаданской области, а также местных неформальных институтов (включая предпринимательские), вместе взятых. Но реализация подобного планово-программного подхода в стратегическом развитии данных трансграничных северо-арктических территорий Дальнего Востока в настоящий период обострения кризисных ситуаций и на национальной, и в особенности на международной аренах является в настоящее время остро необходимой.

Литература

1. Славин С.В. *Северо-Восток СССР как новый формирующийся экономический район и межрайонные комплексные проблемы*. Москва, 1958:30.
2. Северо-Восточный экономический район РСФСР: (Природа и хозяйство): рекомендательный указатель / Якутская республиканская библиотека им. А. С. Пушкина, Справочно-библиографический отдел; составители: Е. Г. Максимова, С. Е. Мостахов. Якутск: Якуткнигоиздат, 1964: 20.
3. Северо-восточный экономический район Российской Федерации: (обоснование выделения) / АН РС (Я). Институт региональной экономики, Якутск: Кудук;1998:84.
4. Ващук А.С., Коваленко С.Г. *Северо-Восток России в 1990-е гг.: деиндустриализация на периферии страны*. Россия и АТР. 2022;4: 27-50.
5. Никифоров В.В., Ковров Г.С. О формировании Северо-Восточного межрегионального золотодобывающего кластера. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016;11:15-26.
6. Гальцева Н.В., Фавстрицкая О.С., Шарыпова О.А. Выявление причин оттока населения из успешного дальневосточного арктического региона (1990–2020 гг.), *Экономика региона*. 2024;20(2):539–555. <https://doi.org/10.17059/ekon. reg.2024-2-13>.
7. Волинский А.И. Мезоуровень в экономических исследованиях: необходимость или будущая жертва бритвы Оккама? *Актуальные проблемы экономики и права*. 2020;(14);4:667-682. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.667-682>.
8. Мезоэкономика: состояние и перспективы: Монография / Под. ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер, М.А. Дерябиной. Москва: ИЭ РАН, 2018;314.
9. Тарануха Ю.В. Станет ли мезоэкономика новым направлением в экономической теории? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2022;38(2):259–284.
10. Путин дал три месяца на подготовку планов развития дальневосточных городов. 5 сентября 2023 г. (ТАСС). URL: <https://tass.ru/ekonomika/18662687> (дата обращения: 07.05.2026).
11. Присяжный М.Ю. Экономическое районирование как инструмент территориальной организации хозяйства Якутии. *Вестник СВФУ*. 2011;8(1): 157-163.
12. Дальний Восток предложили поделить на четыре макрорегиона. 24.11.2022. *Вести.Ру*. URL: <https://www.vesti.ru/article/2644055L>: (дата обращения: 07.05.2026).
13. Краснопольский Б.Х. Инфраструктура и пространственная экономика: теоретические и прикладные исследования / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН;2023:234.
14. Севостьянов Д.А. Жизненный цикл организации и инверсивные отношения. *Социально-психологические проблемы современного общества*. 2017 (6);2: 3-59.
15. Стебляк В.В., Лоткин И.В. Линейная и инверсионная модели мировой социокультурной динамики. *Культура и цивилизация*. 2020(10);2А: 138-146.
16. Краснопольский Б.Х. Инверсионные процессы в пространственной экономике и их проявления в развитии трансграничных северо-арктических территорий Дальнего Востока. *Пространственная экономика*. 2024(20);3:154-179.

17. Краснопольский Б.Х. Северо-арктические территории Дальнего Востока России: механизмы организационно-управленческой координации отраслей минерально-сырьевой специализации макрорегиона. *Регионалистика*. 2024 (11);4:24-42. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.4.24>
18. Бобрышева А.А. К вопросу об определении понятия кластера как интегрированной структуры в производственной сфере деятельности. *Экономическая наука современной России*. 2023(2);58-71. [http://dx.doi.org/10.33293/1609-1442-2023-2\(101\)-58-71](http://dx.doi.org/10.33293/1609-1442-2023-2(101)-58-71)
19. Клепач А. Восточный вызов пространственного развития. 5 апреля 2024. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vostochnyy-vyzov-prostranstvennogo-razvitiya/> (дата обращения: 07.05.2026).
20. Краснопольский Б.Х. Трансформация институциональных механизмов и структур в управлении развитием арктических территорий Дальнего Востока на новом этапе: «мезокластерный» подход. *Арктика и Север*. 2026(63);66-83. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.63.66>
21. Douarin, E., Schnyder, G. Introduction to the symposium on “crisis and persistence: dynamics of institutional changes at the interface between formal and informal institutions. Published online by Cambridge University Press: 05 March 2025. *Journal of Institutional Economics*, V. 21, Available at: <https://doi.org/10.1017/S1744137424000328>
22. The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics. Editors: Carin Holroyd, Ken Coates. Publisher: Palgrave Macmillan Cham, Switzerland, 2025: 624. Available at: <https://doi.org/10.1007/978-3-032-03031-3> (CHAPTER 13. Russia’s Arctic Regions and Policies, Gail Fondahl, Aileen A. Espiritu, and Aytalina Ivanova, s. 195-217).

References

1. Slavin S.V. *The Northeast of the USSR as a New Emerging Economic Region and Complex Interregional Problems*. Moscow, 1958:30 (in Russian).
2. North-Eastern economic region of the RSFSR: (Nature and economy): recommendation index. Pushkin Yakut Republic’s Library, Reference and Bibliographic Department; compilers: E.G. Maksimova, S.E. Mostakhov. Yakutsk: Yakutknigoizdat; 1964:20 (in Russian).
3. North-Eastern economic region of the Russian Federation: (justification selection). AN RS(Ya). Institute of Regional Economics, Yakutsk: Kuduk; 1998:84 (in Russian)
4. Vashchuk A.S., Kovalenko S.G. North-East of Russia in the 1990s: deindustrialization on the periphery of the country. *Russia and the Asia-Pacific region*. 2022;(4):27–50 (in Russian).
5. Nikiforov V.V., Kovrov G.S. On the formation of the North-Eastern interregional gold mining cluster. *National Interests: Priorities and Security*. 2016; (11):15–26 (in Russian).
6. Galtseva N.V., Favstritskaya O.S., Sharypova O.A. Identifying the causes of population outflow from the successful Far Eastern Arctic Region (1990–2020). *Economy of the Region*. 2024;(20)2:539–555 (in Russian). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-13>.
7. Volynsky, A. I. The Meso-Level in Economic Research: Necessity or Future Victim of Occam’s Razor? *Actual Problems of Economics and Law*. 2020;(14)4: 667–682 (in Russian). <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.667-682>.
8. Mesoeconomics: State and Prospects: Monograph. Ed. V.I. Mayevsky, S.G. Kirdinoy-Chandler, M.A. Deryabina. Moscow: Institute of Economics RAS; 2018:314.
9. Taranukha Yu.V. Will Mesoeconomics become a new direction in economic theory? *Bulletin of St. Petersburg University. Economics*. 2022;38(2):259–284 (in Russian).
10. Putin gave three months to prepare development plans for Far Eastern cities. September 5, 2023 (TASS). Available at: <https://tass.ru/ekonomika/18662687> (accessed: 7 May 2026) (in Russian).
11. Prisyazhnyi M.Yu. Economic zoning as an instrument of territorial organization management of Yakutia. *Vestnik of NEFU*. 2011;8(1):157–163 (in Russian).
12. It was proposed to divide the Far East into four macroregions. November 24, 2022. *Vesty, RU*. Available at: <https://www.vesti.ru/article/2644055L> (accessed: 7 May 2026) (in Russian).
13. Krasnopolsky B.Kh. Infrastructure and spatial economics: theoretical and applied research. Ed. P.A. Minakir. Khabarovsk: IEI FEB RAS; 2023:234.
14. Sevostyanov, D.A. Organization life cycle and the inversive relationship. *Social and Psychological Problems of Modern Society*. 2017;(6)2:53–59 (in Russian).
15. Steblyak V.V., Lotkin I.V. Linear and inversion models of global sociocultural Dynamics. *Culture and Civilization*. 2020;(10)2A:138–146 (in Russian).

16. Krasnopolsky B.Kh. Inversion processes in the spatial economy and their manifestations in the development of transboundary northern Arctic territories of the Far East. *Spatial Economy*. 2024;(20)3:154–179 (in Russian). [https:// dx.doi.org/10.14530/se.2024.3.154-179](https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.3.154-179)
17. Krasnopolsky B.Kh. North-Arctic territories of the Russian Far East: mechanisms of organizational and managerial coordination of mineral resource specialization industries of the microregion. *Regionalistics*. 2024;(11)4:24–42 (in Russian). <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.4.24>
18. Bobrysheva, A.A., On the definition of a cluster as an integrated structure in the production sphere of activity. *Economic Science of Contemporary Russia*. 2023;(2):58–71 (in Russian). [http://dx.doi.org/10.33293/1609-1442-2023-2\(101\)-58-71](http://dx.doi.org/10.33293/1609-1442-2023-2(101)-58-71).
19. Klepach A. The Eastern challenge of spatial development. April 5, 2024. RSMD. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vostochnyy-vyzov-prostranstvennogo-razvitiya/> (accessed: 7 May 2026) (in Russian).
20. Krasnopolsky B.Kh. North Arctic Territories of the Russian Far East: Mechanisms of organizational and managerial coordination of mineral resource sectors of the macroregion. *Regionalistica*. 2024;(11)4:24–42 (in Russian). <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.4.24>.
21. Douarin E., Schnyder G. Introduction to the symposium on “crisis and persistence: dynamics of institutional changes at the interface between formal and informal institutions. Published online by Cambridge University Press: 05 March 2025. *Journal of Institutional Economics*, . Available at: <https://doi.org/10.1017/S1744137424000328>.
22. The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics. Eds. Carin Holroyd, Ken Coates. Publisher: Palgrave Macmillan Cham, Switzerland, 2025; 624. Available at: <https://doi.org/10.1007/978-3-032-03031-3> (CHAPTER 13. Russia’s Arctic Regions and Policies, Gail Fondahl, Aileen A. Espiritu, and Aytalina Ivanova; 195-217).

Об авторе

КРАСНОПОЛЬСКИЙ Борис Хананович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-1549-036X, SPIN-код: 4107-3918, e-mail: boriskrasno@gmail.com

About the author

KRASNOPOLSKY Boris Khananovich – Dr. Sci. (Economics), Professor, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Science, Khabarovsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-1549-036X, SPIN-code: 4107-3918, e-mail: boriskrasno@gmail.com.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Submitted 03.07.20206

Поступила после рецензирования / Revised 15.08.2026

Принята к публикации / Accepted 21.09.2026